

Становление советской власти и государственности

Научная статья
УДК 94(47)084
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-22-29

Советская государственность: опыт этнонациональной политики

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация, amanzholova19@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Аннотация. В статье показаны противоречия в формировании советской иерархически сконструированной федерации, которая была инструментом адаптации ключевых целей большевистского проекта к требованиям всесторонней модернизации полиэтнического общества, что нашло отражение в трудах российских и зарубежных ученых. Советская государственность в связи с этнонациональной политикой современными учеными оценивается как империя наций, империя «позитивной дискриминации», создавшая современные нации. Историческое значение для всех народов страны имел осуществленный в СССР переход от традиции к модерности. Этот прогресс был достигнут их солидарным трудом. Указывается на сложный характер взаимоотношений центра и этнонациональных элит в этом процессе. Центр выступал регулятором и спонсором модернизации, обеспечивал нациестроительство, добивался баланса разнонаправленных усилий лидеров регионов и национально-государственных единиц. В то же время этнополитическая элита активно встраивалась в номенклатурный порядок, участвовала в реализации советского проекта и несла ответственность за его достижения и за его провалы. Показано, что этноидентичность была пластична к требованиям советской политической системы, а социально-культурные процессы соединяли советское и этническое, включая традиционные ценности многонационального общества. Оценка концепта «советский народ» должна учитывать наиболее значимые результаты дискуссии в научном сообществе. По мнению автора, согражданство в СССР зиждилось на многовековом опыте совместной жизни, едином политическом порядке и культурной негетерогенной целостности, трактовать которую как искусственно созданную вряд ли правомерно. Советский опыт, особенно в этнонациональной сфере, сохраняет актуальность, а современная историографическая ситуация дает новые возможности для научного анализа.

Ключевые слова: СССР, этнонациональная политика, элиты, этноидентичность, советский народ

Для цитирования: Аманжолова Д. А. Советская государственность: опыт этнонациональной политики // Сибирь гуманитарная. 2023. № 2. С. 22—29. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-22-29.

The formation of Soviet power and statehood

Original article

Soviet statehood: the experience of ethno-national policy

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
amanzholova19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1684-2785>

Abstract. The article shows the contradictions in the formation of the Soviet hierarchically constructed federation, which was a tool for adapting the key goals of the Bolshevik project to the requirements of a comprehensive modernization of a multi-ethnic society, which was reflected in the works of Russian and foreign scientists. In connection with the ethno-national policy, modern scientists evaluate the Soviet statehood as an empire of nations, an empire of “positive discrimination”, which created modern nations. The transition from tradition to modernity carried out in the USSR was of historical significance for all the peoples of the country. This progress has been achieved through their solidarity work. The complex nature of the relationship between the centre and the ethno-national elites in this process is pointed out. The centre served as regulator and sponsor of modernisation, provided nation-building, and ensured that the multidirectional efforts of regional leaders and national-state units were balanced. At the same time, the ethno-political elite was actively embedded in the nomenclature order, participated in the implementation of the Soviet project and was responsible for its achievements and its failures. It is shown that ethnoidentity was flexible to the requirements of the Soviet political system, and socio-cultural processes connected the Soviet and ethnic, including the traditional values of a multinational society. The evaluation of the concept “Soviet people” should take into account the most significant results of the discussion in the scientific community. According to the author, co-citizenship in the USSR was based on the centuries-old experience of living together, a single political order and cultural inhomogeneity, which can hardly be interpreted as artificially created. The Soviet experience, especially in the ethno-national sphere, remains relevant, and the current historiographical situation provides new opportunities for scientific analysis.

Keywords: USSR, ethnonational politics, elites, ethnoidentity, Soviet people

For citation: Amanzholova D.A. Soviet statehood: the experience of ethno-national policy. *Siberia Humanitarian*. 2023;(2):22—29. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-2-22-29.

Советская этнонациональная политика давно находится в исследовательском поле историков всего мира. Оценить это наследие и современное состояние историографии основательно — отдельная масштабная задача. Ценный анализ эволюции взглядов советских историков на историю федерализма провела Т. Ю. Красовицкая [1, с. 22—62]. Основные дискуссии по поводу существования многонационального СССР сводятся к нескольким моделям. Он рассматривается как империя, где структура, механизмы и практики легитимировали отношения подчинения центру, или как империя «позитивной дискриминации», или «империя наций». Советская «цивилизационная миссия» трактуется как упакованная в марксистско-ленинскую формулу помощь ранее отсталым народам, а этнонациональная политика — как система определения уровней развития и иерархии по сталинской схеме «род — племя — народ — нация», хотя национальное сознание якобы было несовместимо с советским проектом и привело к официальному мультикультурализму и креолизации. Но упорядочение «списка национальностей» и этноидентификация каждого гражданина не только ускорили расстановку приоритетов самоидентификации и формирование более сложного самосознания, которое в традиционных обществах далеко не всегда включало этничность или выделяло ее как главную. Социальное государство и специ-

фическая имперская политика «позитивной дискриминации» обеспечили модернизацию и модерность. Москва сформировала современные нации, и народы СССР не идентифицировали свой статус как колониальный.

Российские, а также зарубежные историки внесли решающий вклад в исследование советской национальной политики и федерализма [1—6]. Российские историки конкретизировали динамику федерализации на примере разных форм политического самоопределения, содержание и смысл коренизации, практически все наиболее важные процессы модернизации народов СССР, основные параметры взаимоотношений руководства страны и этнополитических элит, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с продолжавшейся поддержкой этничности в рамках идеологии интернационализма. Результаты не являются исчерпывающими и не дают окончательные ответы на многие вопросы, они к тому же высвечивают новые ракурсы и проблемные поля.

Образование СССР имело колоссальное значение для модернизации народов бывшей империи. Новое государство с его проектом национально-го самоопределения на основе социального равенства и всеобщего движения к прогрессу обеспечило несомненные позитивные результаты нациестроительства, играющие важнейшую роль по сей день. Среди них — конструирование наций с наделением их своими территориями, формирование экономической базы, урбанизация, изменение социальной структуры традиционных этнических общностей, коренизация органов власти и управления, создание письменных языков и всеобщего образования, современного здравоохранения, современной культуры. Эти достижения были обеспечены тяжелым солидарным трудом многонационального общества на благо всех народов, что служит ценнейшим уроком в условиях подчас беспрецедентной идеализации огосударственной моноэтничности, хотя она никогда не являлась гарантией процветания. Межнациональное разнообразие дает для него огромные возможности. Результаты экономического и социально-культурного развития СССР сегодня воспринимаются как некая данность. Меж тем объективная потребность в развитии регионов и обеспечении целостности страны понуждала непрерывно укреплять и развивать новые хозяйственные связи, транспортные коммуникации.

Советская федерация была результатом адаптации доктринальных установок правящей партии к реальности, учитывающей специфику функционирования государства с его этнорегиональными экономическими, культурными и социальными различиями. Здесь уместен вывод А. В. Ремнева об имперской географии власти, которая означает создание собственной управленческой среды, когда на нее влияли общие установки и методы властвования и специфические условия региона [7]. И проблема не в том, что в сложносоставном государстве отношения между центром и периферией рассматривались якобы как неравенство — оправданное из Москвы и неоправданное из республик [8, с. 6—16 ; 9, с. 17—40].

Управленческие и территориальные трансформации центра решали общегосударственные задачи социально-экономического развития, совмещались с принципами национального самоопределения и достижения цели фактического равенства народов. Формирование федеративного облика советского государства потребовало учитывать сложившиеся межрегиональные, хозяйственные, социально-культурные связи, границы и межэтнические коммуникации. Впервые создавалась принципиально иная структура, которая реорганизовывала наличный багаж и давала импульс рождению новых инструментов и системных звеньев, призванных обеспечить устойчивость полиэтнического государства, предложившего собственные политические, идейные, социальные ценности и нормы. Репертуар властных технологий породил гибкие тактики центра и этнополитических элит. Этно-

культурная сложность общества была неустранимой реальностью, не позволявшей лишь административными мерами обеспечивать политику равенства и модернизационный рывок для всех народов с одновременно заявленным курсом на межэтническую интеграцию. Огосударствление этничности с искусственными границами и разделением народов создало ловушку национальной государственности и почву для тяжелых конфликтов.

Федеративная иерархия складывалась в условиях острых дискуссий и объективных противоречий «пересборки» социально-политического пространства, издавна обжитого народами страны в их совместной жизнедеятельности. СССР опирался на имперский фундамент, неотъемлемой константой его было этнокультурное разнообразие, а управление им в XX в. стало важнейшей частью внутренней политики, определяя существо власти и социального порядка. Происходил «переход от имперского мировосприятия к советскому при замене форм, но при одновременном сохранении содержательного и смыслового аспекта» [10, с. 13], важно анализировать общество «через описание форм исторического опыта, которые сводили в советском историческом контексте совершенно разных по темпераменту, складу характера, этничности, религиозности и социального происхождения людей и заставляли их вступать в определенные взаимодействия друг с другом и со сложной институциональной инфраструктурой, создаваемой... государством в разных сферах общественной жизни» [11, с. 13]. Наряду с усилиями власти по обеспечению баланса интересов локального и целого, этнонационального и гражданского это стало важнейшим фактором устойчивости государства. Признанием собственной государственности обеспечивалась мощная притягательная сила доктрины этнического национализма, подстегивавшей стремление элит к расширению доступа к власти и ресурсам, установлению официальных культурных институтов.

Важнейшим дискуссионным вопросом остается роль этноэлит и их взаимоотношения с руководством страны. Советская этнополитика соединила усилия основных субъектов политического пространства, причем национальные лидеры целеустремленно встраивались в аппарат власти, дорожили своим статусом, стремились к укреплению своих позиций и вместе с центром обеспечивали модернизацию всех народов. При этом центр был вынужден не только выступать спонсором модернизации, распределять бюджетные средства, но и в качестве третейского судьи регулировать внутриэтнические конфликты, борьбу за повышение статуса субъектов федерации, добиваться баланса в решении экономических, инфраструктурных, административных, социальных и иных задач, обеспечивать интересы государства как целого, его управляемость и устойчивость.

Контроль за балансом в руководстве национальных единиц был одним из важных элементов набора установок для ежедневного функционирования советского общества. Включение в центральные органы власти, прежде всего в ЦК КПСС, представителей республик обеспечивало «институциональный плюрализм», когда первые секретари ЦК компартий республик становились посредниками между высшей властью и массами. При этом численное преобладание русских в высшем руководстве СССР не означало усиления внимания к русской этничности. Республиканские лидеры обеспечивали согласованную и взаимовыгодную линию в отношениях с руководством страны, патронируя корректировки в проведении необъявленной коренизации на своей территории.

Не менее серьезным представляется анализ содержания и трансформации (и даже потери) этноидентичности, как и так называемой советизации, в процессе нациестроительства. Культурное разнообразие в рамках управленческих технологий сохранялось, развивалось и адаптировалось в конструкции сложносоставных модерностей и идентичностей. Они стали результатом модернизации, а ее участники, несмотря на явные признаки

общности, имели локально различающиеся проявления вследствие их этнокультурной «начинки». Множественность идентификации связана с динамичной культурной сложностью общностей и индивидуумов. Традиционные основы этничности адаптировались к социалистическому проекту, сплавлялись с модерными принципами, институтами и практиками политической системы и всего социально-культурного пространства страны. Культурный прогресс, индустриальный скачок, урбанизация, развитие науки и техники совмещались с характерными для традиционных обществ иерархическими социальными отношениями и значимыми для вертикальной мобильности личными связями. Это совмещение осуществлялось всякий раз достаточно оригинально и имело неоднозначные последствия для многоликого сообщества народов, социокультурного и гражданского наполнения их единства в качестве советского народа [12].

Политика «спонсирования» этничности при централизованном контроле была направлена на утверждение СССР как национального государства. Осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия, за исключением национализма «господствующей нации» («великорусский шовинизм») [13, с. 91—105]. СССР не разрушал, а создавал нации. Но утверждение, что никто не считал себя советским, поскольку советскую нацию создавать не стремились, не соотносится с реальностью. Скорее, при отсутствии сформулированной цели создать ее политики, как и сложившееся задолго до СССР сообщество народов и граждан общего для них государства и родины, не могли не обеспечить социальную и межэтническую целостность, что не означало ее гомогенность и обезличенность. Советская нация — не только и не столько совокупность национальностей, сколько согражданство в его сложном и противоречивом динамичном развитии. СССР не означал «простой» переход от империи к конструированию наций и общесоветской надэтнической общности/нации, а наследовал и еще больше в движении к модерности создавал свои инструменты поддержания разнообразия и управления, консолидации общества на социальной и интернационалистской основе. На межэтнические отношения влиял постоянный рост кросс-культурных контактов. Многопоколенные межкультурные коммуникации прирастали новыми практиками надэтнической политики власти. Интернационализм был маркером советской идентичности, что показано российскими историками на примере пропагандистских и культурных практик, а также повседневных социально-бытовых проявлений.

С этим связаны и споры вокруг концепта «советский народ» и понимания «советскости». В. Деннингхаус определяет действия большевиков по созданию многонационального общества и обеспечению лояльности в отношении власти как советизацию [14, с. 629, 643], хотя данный термин использовался как утверждение партийного доминирования через систему советских органов власти и управления, классовый подход и национальное равенство. Власть опиралась на базовые общегражданские и этнические приоритеты и установки, СССР обеспечил полноценную субъектность в мире и реализовал концепт нации-государства при многонациональном содержании как неизбывной данности. Это не могло не породить множество противоречий и рисков — нациестроительство потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ».

Жесткое социальное структурирование общества обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Многообразная действительность модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий подчас

вполне успешно вписывались в советскую систему или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закреплённые функции и общественную ценность. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Межкультурная интеграция и складывание советской общности стали результатом не только целенаправленных усилий государства, но и многовековой культуры межэтнического взаимодействия и сожительства народов Евразии. При этом власть должна была постоянно добиваться баланса между интеграцией народов и поддержанием различий между ними. Традиционные нравственные ценности, которые встраивались в систему идеологических установок и пропагандистских усилий, воспитание и культпросвет оставались фундаментом морали, индивидуального мировоззрения и межличностных отношений. Это не исключало различных девиаций. Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности, лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды, здоровья и т. д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Негомогенность, культурная сложность и пластичность культуры социально-демографических групп и этнических общностей в советском народе как динамичной целостности есть проявление нормальности, если не пытаться исходить из неких якобы заданных большевиками параметров создания централизованной, вертикально организованной и идеологически монолитной общности. Даже если изначальный проект подразумевал нечто подобное, власть быстро усвоила невозможность игнорировать реальные противоречия и необходимость определенного баланса разных факторов.

Советская этнонациональная политика представляет интерес с точки зрения преемственности и модификации определенных моделей государственности и управления. В СССР состоялась оригинальная, единая и непрерывная во взаимосвязи с прошлым и будущим история регионов, народов и страт как компонентов совместного социально-культурного и политического пространства. Версия о «внешнем» характере советской системы вряд ли уместна. Она целенаправленно создавалась представителями всех народов для непосредственного встраивания самоопределившихся субъектов в политические и иные институты федерации, как и интернациональная номенклатура — ключевой актор перехода от традиции к модерности. Местные элиты приобретали влияние не в зависимости от лояльности к русскому языку и культуре, а благодаря соединению этнически ориентированной культуры с общесоюзной, при этом русский язык, русская культура и сам русский народ играли фундаментальную роль в обеспечении прочности государства и единства общества.

Советский опыт нациестроительства, несмотря на трагические интернациональные потери вследствие коллективизации, голода и репрессий, стал отправной точкой масштабных исторических процессов, во многом определивших устремления и перспективы для народов колонизированных Западом стран. Их освободительная борьба против колониального гнета неразрывно связана с примером СССР, и рассуждения о Советском Союзе как империи подчинённых наций, колониальной империи не вяжутся с действительностью. Более того, историческая память об антиколониальной сущности СССР составляет ценный потенциал внешней политики и международного имиджа Российской Федерации.

Список источников

1. Советская федерация: от империи к модерности. 1917—1941 гг. / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Г. В. Костырченко, Т. Ю. Красовицкая. М., 2022. 832 с.
2. Чеботарева В. Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3—25.
3. Карпов Ю. Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб. : Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
4. Советский национальный проект в 1920—1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. М. : Новый хронограф, 2021. 576 с.
5. Кадио Ж. Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897—1939 гг.) // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 177—206.
6. Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca ; London: Cornell University Press, 2005. 367 p.
7. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX — начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. 2013. 17 апреля. URL:<http://zaimka.ru/remnev-siberia/> (дата обращения: 19.01.2023).
8. Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917—1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы : материалы VI международной научной конференции (Киев, 10—12 октября 2013 г.) М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2014. С. 6—16.
9. Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы : материалы VI международной научной конференции (Киев, 10—12 октября 2013 г.). М. : Политическая энциклопедия ; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2014. С. 17—40.
10. Интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920—1930 гг.) / М. Н. Балдано, В. Ю. Башкуев, П. К. Варнавский, С. В. Кириченко, А. М. Плеханова, А. Н. Соболева, С. В. Хомяков ; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Отгис, 2021. 416 с.
11. Голубев А. А. Советский человек в футляре и вне его // Новое прошлое. The new past. 2021. № 4. С. 238—247.
12. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М. : НЛЮ, 2020. 464 с.
13. Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 91—105.
14. Деннингхаус В. В тени «Большого брата»: западные национальные меньшинства в СССР, 1917—1938 гг. М. : РОССПЭН, 2011. 726 с.

References

1. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Kostyrchenko G.V., Krasovitskaya T.Yu. Sovetskaya federatsiya: ot imperii k modernosti. 1917—1941 gg. [Soviet federation: from empire to modernity. 1917—1941], Moscow, 2022, 832 p.
2. Chebotareva V.G. Stalin i partiino-sovetskie natsional'nye kadry [Stalin and the Party-Soviet national cadre], *Voprosy istorii* [Historical issues], 2008, no 7, pp. 3—25.
3. Karpov Yu.Yu. Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoi periferii v 20—30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i reshenii [National policy of the Soviet state in the North Caucasus periphery in the 1920s-30s: Evolution of problems and solutions], Saint-Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 2017, 400 p.
4. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovitskaya T.Yu., Tikhonov V.V. Sovetskii natsional'nyi projekt v 1920—1940-e gody: ideologiya i praktika [The Soviet National Project in the 1920s and 1940s: Ideology and Practice], Moscow, Novyi khronograf, 2021, 576 p.
5. Kadio Zh. Kak uporyadochivali raznoobrazie: spiski i klassifikatsii natsional'nostei v Rossiiskoi imperii i v Sovetskom Soyuze (1897—1939 gg.) [How diversity was ordered: lists and classifications of nationalities in the Russian Empire and the Soviet Union (1897—1939)], *Ab Imperio* [Ab Imperio], 2002, no. 4, pp. 177—206.
6. Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca, London, Cornell University Press, 2005, 367 p.
7. Remnev A.V. Sibir' v imperskoi geografii vlasti XIX — nachala XX vv.: v poiskakh novykh teoreticheskikh podkhodov [Siberia in the imperial geography of power in the 19th and early 20th centu-

- ries: in search of new theoretical approaches], *Sibirskaya zaimka. Istoriya Sibiri v nauchnykh publikatsiyakh* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th and early 20th centuries: in search of new theoretical approaches], 2013, 17 aprelya. Available at: <http://zaimka.ru/remnev-siberia/> (accessed: 19.01.2023).
8. Kul'chitskii St. Status titul'nykh natsii v psevdofederativnoi gosudarstvennoi strukture SSSR na etape sozdaniya sovetского stroya (1917—1938 gg.) [Status of the titular nations in the pseudo-federal state structure of the USSR at the stage of the creation of the Soviet system (1917-1938)], *materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920—1950-e gody* [Soviet nations and national policies in the 1920s and 1950s] (Kiev, 10—12 oktyabrya 2013 g.), Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2014, pp. 6—16.
 9. Suni R.G. Sovetskoe i natsional'noe: edinstvo protivorechii [Soviet and National: unity of contradictions], *Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920—1950-e gody* [Soviet and National: Unity of Contradictions], [Soviet Nations and National Politics in the 1920s–1950s] (Kiev, 10—12 oktyabrya 2013 g.). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya ; Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina, 2014. S. 17—40.
 10. Baldano M.N., Bashkuev V.Yu., Varnavskii P.K., Kirichenko S.V., Plekhanova A.M., Soboleva A.N., Khomyakov S.V.; Bazarov B.V. (ed.), Interiorizatsiya sovetskoi modeli v traditsionnykh soobshchestvakh Buryat-Mongolii (1920—1930 gg.) [The interiorisation of the Soviet model in traditional Buryat-Mongolian communities (1920–1930)], Irkutsk, Ottisk, 2021, 416 p.
 11. Golubev A.A. Sovetskii chelovek v futlyare i vne ego [The Soviet man in and out of the box], *Novoe proshloe The new past*, 2021, no. 4, pp. 238—247.
 12. Devid-Foks M. Peresekaya granitsy: modernost', ideologiya i kul'tura v Rossii i Sovetskom Soyuze [Crossing Borders: Modernity, Ideology and Culture in Russia and the Soviet Union], Moscow, NLO, 2020, 464 p.
 13. Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category, *Ab Imperio*, 2002, no. 2, pp. 91—105.
 14. Dennykh V. V teni "Bol'shogo brata": zapadnye natsional'nye men'shinstva v SSSR, 1917—1938 gg. [In the Shadow of Big Brother: Western National Minorities in the USSR, 1917–1938], Moscow, ROSSPEN, 2011, 726 p.

Информация об авторе

Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Information about the author

Dina A. Amanzholova — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. E-mail: amanzholova19@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 30.12.2022.

The article was submitted 09.12.2022; approved after reviewing 19.12.2022; accepted for publication 30.12.2022.